

BIBLIOTEKARZ PODLASKI
1/2023 (LVIII)
<https://doi.org/10.36770/bp.778>
ISSN 1640-7806 (print) ISSN 2544-8900 (online)
www.bibliotekarzpodlaski.pl

Adrian Kuprianowicz*

Bielsk Podlaski, Polska / Bielsk Podlaski, Poland

ORCID: 0000-0002-6530-8183

Домашний дух *домовой* в народной культуре (на примере нескольких избранных сел Гайновского повета на фоне восточного славянства)

The Household Spirit, or *Domowoj*, in Folk Culture (Using the Examples from Several Selected Villages in Hajnówka County Against an Eastern Slavic Background)

Abstract: This article presents certain magical practices, superstitions, and beliefs used in the everyday lives of peasant folk in selected villages in the Hajnówka county, concerning the spirit known as the *domowoj*. The belief in the *domowoj* and other oddities, magical practices, and customs related to it were transferred and incarnated in the lives of simple people, mainly after returning to the homeland from the so-called *Bieżeństwa*, the mass evacuation from the area during the First World War. As a result of changes in society and customs in the Białystok region, particularly rapid recently, many mysterious magical practices and procedures connected with the matter in question have been forgotten and are no longer practiced. Some of these remain purely memories of members of the oldest generation.

Keywords: household spirit, beliefs, superstitions, magic practices.

* Adrian Kuprianowicz – magister filologii białoruskiej, badacz niezwiązany z uczelnią, absolwent Uniwersytetu w Białymstoku; autor m.in. artykułu *Церковно-приходское обучение на территории православного прихода Вознесения Господня в Клейниках* (2018).

Adrian Kuprianowicz, *Домашний дух „домовой” в народной культуре...*

Помъстья мирнаго незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, льсь и дикій садикъ мой,
И скромную семью моей обитель! [...].

Домовому, 1819 г., Александр Пушкин¹

Предметом настоящей статьи является попытка представить воображения, связанные с магическими обрядами, суевериями и поверьями, используемыми в каждодневной жизни простого крестьянского населения в избранных селах Гайновского повета, касающиеся персонажа духа, называемого *домовым* в фольклорном измерении.

Вначале следовало бы в нескольких словах объяснить значение ключевого термина, который используется в настоящей публикации, а именно:

домовой[...] домашний дух, мифологич. хозяин и покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных, плодородие [...]. Домовой существует в каждом доме и связан с определенным родом, предком которого он мыслится. В поверьях о домовом выделяется его связь со скотом; он обеспечивает его благополучие и плодовитость, но, вместе с тем, может изводить и мучить скотину. Наряду с мужским образом домового существуют женские парные соответствия этому персонажу: в одних случаях это жена и дочь домового², в других

1 <https://www.culture.ru/poems/4521/domovomu> [dostęp: 2.01.2023].

2 В некоторых регионах России, напр., в Костромской губернии жену или дочь домашнего духа называли именем *Стрига*. По убеждению сельских жителей *Стрига* отождествлялась также с ведьмой, портящей урожай на возделываемых полях: „В каждом селении существует своя стрига. Она является в представлении народа в виде женщины. В полночь на Иванов день стрига, одевшись во все белое, уходит в поле стричь колосья на чужих полосах и отнимает их у других. Поймать ее бывает очень трудно, ввиду ее способности превращаться в животных и птиц. Скупая, несообщительная женщина или мужчина подобного характера, особенно если у них бывает более хлеба, чем у других, заподозревались однодеревенцами в том, что они-стриги”, цит. из: П.И. Андриников, *О материалах по этнографии Костромского края, собранных местной уездной комиссией*, [в:] *Труды Ярославского областного археологического съезда*, Москва 1902, с. 3–22.

– самостоятельные персонажи, мифологические хозяйки дома³. Образ восточнославянского *домового* сближается с южнославянскими домашними духами стопаном и домашней змеей по ряду признаков и функций: происхождению от умершего члена семьи, связью с жизнью хозяина дома, функциям покровителя семьи⁴.

Отождествление *домового* как „охраняющего духа предков” стало результатом отодвигания прастарых, дохристианских домашних демонов, очень часто ассоциирующихся с духами умерших предков, в ряды существ дьявольской природы, поскольку христианство считало культ домашних демонов неоспоримым проявлением поганства.

Некоторые описания бесов, встречающиеся в древнерусских книгах, сильно напоминают поздние народные поверья о домовых. Так, в *Житии Феодосия Печерского* (XII в.) читаем:

В один из дней из одной деревни пришел монастырский монах к блаженному отцу нашему Феодосию и рассказал, что в хлеву, где скот затворяют, жилище бесов

- ³ В селе Клейники, также как и в бывшей Гродненской губернии Стригу часто отождествляли с домашним духом, напоминающим демонический персонаж. Сельские жители сильно верили в злую созидательную силу Стриги. Особенно враждебно этот дух относился к беременным женщинам: „Стрига (домовой)-дѣлаетъ безпокойство беременнымъ, и даже можетъ переменить ребенка, вмѣсто хорошаго и толстаго подбросить плаксивре, блѣдное и худое, если беременная женщина не прибѣгнетъ во время къ знахаркѣ. Святой воды стрига не боится, только осторожностію можно спасти себя отъ домоваго. Беременная женщины видѣли стригу: это-женщина высокаго роста, худа, блѣдна, со впальми глазами; по вечерамъ она переходитъ съ одного двора на другой. Схвативши ребенка, стрига колотитъ его такъ, чтобы мать слышала крики; для устраненияъ этого зла, дѣтей купаютъ передъ захожденіемъ срлнца, послѣ чего воду сейчасъ выливаютъ; но ни в какомъ случаѣ не слѣдуетъ выливать воды послѣ захожденія солнца. Въ пятницу дѣтей купать не слѣдуетъ. При повитіи ребенка мать должна взять его за носъ три раза и стиснуть. Когда дитя боязливо, отыскиваютъ посредствомъ воска, перелитаго черезъ метлу, предметъ, котораго оно боится”, цит. из: П. Бобровскій, *Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами Генеральнаго штаба. Гродненская губерня*, Часть первая, Санктпетербургъ 1863, с. 823.
- ⁴ См. Е.Е. Левкиевская, *Славянские древности*, [в:] *Этнолингвистический словарь*, Т. V, под ред. Н.И. Толстого, Москва 1999, с. 120; шире по теме *домового*, см. Л.Н. Виноградова, *Полесская народная демонология на фоне восточнославянских данных*, [в:] *Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы*, отв. ред. А.А. Плотникова, Москва 2001, с. 10–49; Н.В. Кузнецов, *Черти в доме (опыт сравнительного анализа персонажей русской народной демонологии)*, [в:] *Традиция в фольклоре и литературе*, Санкт-Петербург 2000, с. 14–38; Н.Я. Никифоровский, *Домовые*, [в:] *Нечистики. Свод протонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе*, Вильна 1907, с. 48–53.

Adrian Kuprianowicz, *Домашний дух „домовой” в народной культуре...*

есть. Они многую пакость творят там, не давая скоту есть. Много раз пресвитер молитву творил и водою святой окроплял, но, несмотря на это, остались злые те бесы, творя муку и досель скоту⁵.

Как подчеркивает Казимир Мошинский, к культу домашних демонов приписаны четыре комплекта поверий: выводящийся из праславянщины культ умерших предков-хранителей семьи, в особенности заметный у восточных славян; культ змей-домашних патронов хаты и хозяйства, проявляющийся, главным образом, на Беларуси и у южных славян; славянские воображения о летающем домашнем демоне, приносящем деньги; а также разного рода мифические воображения нового происхождения, заимствованные у Запада (особенно из германской мифологии)⁶.

Настоящий этнографический материал был собран автором статьи путем эксплорации от представителей старейшего поколения (в возрасте между 50 и 85 годами), которые еще помнят обычаи, связанные с народной магией, в селах Гайновского повета: Городиско, Яново, Клейники, Шостаково, Жуки (польск. Gorodzisko, Janowo, Klejniki, Szostakowo, Żuki, в конце 90-х годов XX века. Информации предоставили информаторы, родившиеся и постоянно проживающие в вышеупомянутых селах или во входивших в их состав колониях. Эти жители лучше всех помнили поверья и обычаи, касающиеся почитаемого культа *Домашнего духа*, уже не практикуемого в каждодневной жизни. Беседы велись только и исключительно на местном восточнославянском диалекте, который использовали жители. Высказывания информаторов относятся к восприятию обычаев и поверий, распространенных на анализированной территории от периода беженства (то есть с 1915 года)⁷ до II Мировой Войны, исключая новейшую историю. Во время исследования иногда возникали трудности из-за

⁵ *Успенский сборник XII–XIII веков*, Москва 1971, с. 54.

⁶ См. K. Moszyński, *Kultura ludowa Słowian*. Т. II: *Kultura duchowa*, cz. I, Warszawa 1967, s. 667–668.

⁷ *Беженство* – белор. *бежанства*, значение этого слова следовало бы раскрыть как: массовая эвакуация, бегство, переселение людей, в большинстве своем православного населения, из западных губерний Российской империи вглубь России. Слово *беженство* трудно конкретно интерпретировать, поскольку его нет в польских словарях и энциклопедиях. Этот термин только недавно нашел свое место в научных публикациях, издаваемых на польском языке. См. А. Прымака-Онишк, *Bieżeństwo 1915. Zapomniane dziedzictwo*, Wołowiec 2016.

провалов в памяти информаторов в преклонном возрасте, нежелания дать ответ на заданные вопросы, а также из-за того, что в данном селе из коренных жителей остались только лица пожилого возраста.

В богатой сфере народных верований и обрядов на территории Подляского воеводства вера в духа *домового*, связанные с ним „чужачества” и магические обряды усилились среди простого народа, прежде всего, после возвращения из России (где культ этого демона был очень распространенным) в родные края Подляшья из так называемого *беженства*. Именно тогда некоторые люди начали чрезмерно чтить культ *домового* и распространили среди жителей деревень Гайновского повета те поверья и обычаи, которые до сих пор были свойственны русскому народу.

В воображении многих людей *домовой* считался членом семьи. Обычно он жил на крыше дома, под порогом или за печкой. При смене места проживания всегда просили *домового*, чтобы он вместе с хозяевами переехал в новый дом. Неоднократно *домового* приглашали также в ново-построенный дом.

Крестьяне [...] «вносили» **домового** духа в избу уже при начале строительства вместе с устанавливаемым в срубе (на месте переднего угла) деревцем... [...] «после того, как на фундамент дома будет положено бревен пять-шесть, хозяин приглашает **домового** на житье... При этом требуется народным обычаем, чтобы хозяин приглашал **домового** не иначе как с клочком сена в руках и со следующими словами: „Батюшка **домовой**, приди сюда в новый дом пожить, посмотреть и за скотинкой поглядеть”»...⁸

Так же само поступали с домовым крестьяне в селе Клейники, приговаривая на местном диалекте: „Batiuška domovoj, prydi šudy ŷ novu chatu požyti, posmotryeti i za dobytkom pohlediyeti”.

Как напоминает исследовательница Марина Власова:

...при переходе в уже построенный новый дом обязательно звали с собой и *домового-дворового*. По обычаям, его приглашали и во дворе, и в доме. Веря, что «без хозяина двор не стоит». [...]

⁸ *Домовой*, [в:] М. Власова, *Энциклопедия русских суеверий*, Санкт-Петербург 2014, tinyurl.com/brp58-kup-1 [dostęp: 30.03.2023].

Adrian Kuprianowicz, *Домашний дух „домовой” в народной культуре...*

Перебираясь в новый дом, хозяйка брала горшок недоваренной каши и доваривала ее в новой избе; **домового** при этом нередко «перевозили» в лапте (Арх.). «**Домового** в виде пепла и уголька в старину торжественно перевозили в лапте из старого жилища в новое» (Моск.). «Перевозили» его и на помеле, хлебной лопате (Нижегор.); совали под печь старую обутку, приговаривая: «**Домовой**-родовой, вот тебе сани, поедем с нами». [...] *домового* можно переселить в кошеле с сеном: „Одна старуха рассказывала, что когда сын ее отделился и увел скотину, то она однажды вышла во двор и видит, как беспокойно *домовой* шевелится в кошеле...⁹».

Сходные в вышеуказанными поверья относительно *домового* появляются в высказываниях жителей Клейникского села¹⁰.

Подобную просьбу, с которой обращаются к *домовому/дворовому* во время переезда в новый дом, а также просьбу об опеке над новым домашним хозяйством описывает Иоанна Рыбарчик-Дыевская в одной из своих работ, касающихся анализа русских народных заклиний:

Когда переезжают из старого дома в новый, то зовут с собой *дворового*: Дворовой, дворовой, пойдем со мной. Я переезжаю на новое место, и ты за мной. Делай доброе; Уходишь из дома последней, скажи: дедушка *домовой*, айда с нами в мой дом век вековать. Не вслух, а себе на ум думаешь тихонечко; Мы, когда в новый дом пошли, так делали. Вот только заходишь, дверь открываешь и говоришь: Суседушко батюшко, мы заходим с хлебом-солью, и ты заходи с нами. Обуй, одень, накорми!; Когда в новую избу переезжают, говорят: Дедушка суседушка,пусти меня, люби меня, жалея меня!; Дедушко суседушко, прими товарища, пой, корми, чисто води. Три раза. Переходя в новый дом, приговаривают; Батюшко покров, покрой избу теплом, старую старушку – горячим пирогом. Вот так и говорят, чтобы тепло и сыто было¹¹.

⁹ Там же.

¹⁰ По рассказу Анастасии Дорошев и Владимира Комарова, жителей села Клейники, а также Татьяны Куприянович, бывшей жительницы хутора Бурицке, входящей в состав села Клейники.

¹¹ J. Rybarczyk-Dyjevska, *Без четырех углов дом не строится – rosyjskie ludowe praktyki magiczne związane z gospodarstwem domowym*, „Przegląd Wschodnioeuropejski” 2017, № VIII/2, s. 323.

Домовой являлся не только воплощением положительных, оберегающих человека сил, но иногда также мрачных и опасных. Чтобы избежать мести или просто плохого юмора этого духа, к *домовому* относились очень бережно, например помнили о том, чтобы ему всегда оставить еду. В противном случае он мог сослать на домашних нечистую силу или привидения:

В селе Шостаково, чтобы не разозлить *домового* и его подружку, которые оберегали одну из хозяйских построек, следовало оставить им еду. Каждый вечер хозяйка должна была жарить яичницу из шести яиц и оставлять ее на сковороде в сарае. При этом нельзя было подсматривать, как *домовой* и его подружка едят еду. Часто можно было услышать громкое чавканье во время еды¹².

Как вспоминал когда-то Мефодий Куприянович:

[...] Чтобы защититься от *домового*, необходимо было в каждом углу в каждой избе хаты поместить по одному зубчику чеснока, запах которого он не переносил. Еще одним способом, который можно было использовать, было окуривание всей хаты в День Успения Пресвятой Богородицы освященными травами, которые обладали магической силой. Сильное влияние на нечистую силу злого дьявола также оказывали развешенные в разных местах избы пучки полыни. Универсальным, часто используемым, был также деготь¹³, которым профилактически смазывались окна и двери домашних построек, выполняя при этом знак креста. А чтобы прогнать *домового*, который часто прятался в трубе, необходимо было протопить печь сухостоем из веток крапивы, дыма которого он панически боялся. *Домовой* не мог также выдержать яркого света луны, который усиливается во время полнолуния. Для этого не следовало заслонять окна, чтобы блеск луны проникал внутрь избы. Для выполнения следующего магического способа нужно было пойти на поле пшеницы, в углу поля сорвать несколько колосков, связывая их и делая что-то на подобие небольшой куклы. Эти действия выполняли обычно ночью, когда их воздействие на духа было особенно сильным. Также поворачивали зажженную

¹² А. Kuprianowicz, *Народная магия в повседневности сельских жителей (на примере нескольких сел Гайновского повета на фоне восточного славянства)*, „Białorutenistyka Białostocka” 2018, № 10, с. 422.

¹³ Деготь-соответственно приготовленный отвар из коры березы, используемый в магических обрядах и лечебных практиках.

Adrian Kuprianowicz, *Домашний дух „домовой” в народной культуре...*

громничную свечу фитилем вниз так, чтобы она погасла. Это должно было прогнать или даже убить злого духа. Упомянутые куклы нужно было закопать под порогом дома или оставить ночью на кладбище [...] ¹⁴.

Обычно дух этот предстал в облики старика с длинными седыми волосами и густой бородой, одетого в драные лохмотья. Порой – в облики змеи, крысы или собаки. Иногда *домовой* имел подружку, называемую *домовушкой* или *домовихой*. *Домового*, *домовушку* и *домовиху* отождествляли с душами предков жителей данного дома или хозяйства. *Домовой* мог также появиться у данного хозяина в результате наведения порчи шептухой или ведьмой.

В селе Шостаково когда-то было популярным воображение о *домовом* как покровителе пчел. Очень часто эти поверья отождествлялись с пчеловодами. Такой дьявол-дух помогал в различных хозяйственных работах, обеспечивал счастье и достаток. Часто сельские жители подозревали зажиточных крестьян в том, что они держат дьявола. Это находит широкое отражение в рассказах старых жителей села, которые часто говорили, что „каждый пчеловод имеет своего дьявола”. С *домовым* можно было также связать персонаж духа пасечника-демона, осуществляющего покровительство над пасекой и пчелами. Он жил в старых ульях и обеспечивал опеку над роем данной пасеки ¹⁵.

В иной форме персонаж *домового* с миром животных связывает представление о нем, как о змее:

...в селе Городиско, как утверждает информаторка ¹⁶, *домовой* неоднократно приобретал вид петуха или змеи, присматривающих за домашними пожитками.

¹⁴ Мефодий Куприянович, бывший житель хутора Бурицке, входящей в состав села Клейники. Он еще ребенком был вывезен вместе с родителями в конце XIX далеко вглубь России. В родные края он вернулся спустя более десяти лет проживания в Российской Империи.

¹⁵ По рассказу Григория Плиса, жителя села Шостаково, многолетнего пчеловода и любителя фольклора, связанного с давними поверьями, касающимися широко понимаемой культуры, связанной с пчеловодством.

¹⁶ Нина Минько, 1939 г. р., жительница села Городиско. В 1940 году была депортирована вместе с матерью Теклой и старшим братом Николаем в далекие районы Сибири, где провела 8 лет. Была неоднократно свидетелем применения самых причудливых обрядов сибирского шаманизма местными шептунками и ведьмами. Как утверждает информаторка, культ духа *домового* на сибирской земле был очень распространенным и почитаемым.

Местные жители были уверены, что разозленный *домовой* мог и укусить под видом змеи. Одним из методов лечения змеиного укуса было трехкратное прочтение магического заговора с просьбой вынуть яд: „[...] Отойди, гад, прочь. Отойди, гад, прочь. Отойди, гад, прочь. Вынь яд вон. Вынь яд вон. Вынь яд вон. Повторять три раза: утром, вечером, на заре. Три дня. Также практиковался обычай обращения к *домовому* поимени. *Домового* часто просили помочь, например, прогнать злых духов, нарушающих покой жителей дома; защитить домашних животных от порчи или проклятия; дать высокий урожай¹⁷.

Жительница села Яново¹⁸ вспоминала рассказы своих родителей о том, что случались дивные ситуации, которые нельзя было объяснить рациональным способом. Косы женщин и конские хвосты и гривы в миг становились такими спутанными, что не было возможности их никак расчесать¹⁹. Местные знахари утверждали, что: „to domowej počami zapletaje babam kosy a konam xv osty i hryvy. A robit šeje tomu, što za štoš hñiyevajeće”. Чтобы „задобрить” такого демона, необходима была жертва в рамках извинений. В связи с этим необходимо было в опущенном доме растопить печь, чтобы было тепло, затем положить за эту печь старый бараний тулуп, на котором, как известно из старых суеверий, любит полеживать *домовой*. Вблизи печи необходимо было оставить молоко, мед, ячменную кашу, чтобы демон мог подкрепиться, и локон волос молодой девушки вместе с пучком шерсти из хвоста или гривы коня. В темную и душную избу заводили молодую девушку со спутанными волосами и завязанными глазами. В соответствии с поверьями, если дух был доволен приготовленными для него явствами, он должен был распутать волосы девушки и оставить в покое остальных женщин. После такого „задабривания” демона *домового* его

¹⁷ А. Kuprianowicz, *Народная магия в повседневности сельских жителей (на примере нескольких сел Гайновского повета на фоне восточного славянства)*, „Białorutenistyka Białostocka” 2018, № 10, с. 422.

¹⁸ Вашчук Евгения, г. р. 1935 г., село Яново.

¹⁹ Часто считали, что это вызвано порывом ветра, в результате чего образовывался так наз. *kolturn*; *Колтун* – спутанные плотным комом волосы на голове в результате воспаления сальных желез, нарушения условий гигиены, не расчёсывания, вшивости и т. д. Старые медицинские суеверья запрещали срезать колтуны из опасения их негативного воздействия на здоровье (психические заболевания, слепота). Ношение колтуна должно было защитить от болезней и дьявола.

Adrian Kuprianowicz, *Домашний дух „домовой” в народной культуре...*

жертва, обычно девушка-подросток, часто теряла разум или впадала в истерию, оставаясь таким образом навсегда ненормальной. Взамен за это она до конца дней пользовалась уважением у жителей околочных сел, поскольку „пировала с демоном”, а он угощал ее водкой, бутылку которой нужно было оставить рядом с приготовленной пищей.

Как утверждают информаторки²⁰ из села Жуки на основании старых устных преданий, на переломе XIX и XX веков существовало воображение о *домовом*, который приобретал вид маленького мальчика-сироты, называемого на диалекте „ditianoj domowoj”. Дух этого мальчика-сироты проживал на чердаке дома, чаще всего за трубой. Этот дух не был злым при условии, что также как и остальные домашние духи, был накормлен и сыт. Если он не получал пищу, то нарушал покой домашних во время сна своим душераздирающим плачем. Как вспоминает Мария Голуб:

[...] Koliš tato rozkazovať, jak odnoho razu pušli spati a tut xtoš biyehaje po horye, tupaje nohami i hołosno płače. Ne daje spati. Zaliyez na horu z lixtarom i divluš nikoho ne ma. Ne prošlo 10 minut i znoū hołosno płače. Zaliyez ja druhi raz i divluš a tam jakijš tiyeñ pobiyeh za komin. Zahladaju za komin a tam xtopčeña šidit skulane i płače. Pytaju joho čom płačeš, a vone mnie odkazuje-bo ja hołodne. Prynios ja jomu sała i xliyeba, vone pojyeto i zasnuło. Na druhi deň rozkazuju siyete susiyedovi a von mnie hovoryt bo u tebe žyve na horye ditianoj domovoj-to neščasliva širota [...].

Как рассказывает вторая информаторка Зофия Шевяк:

[...] Koliš hovoryli, što jak ditia umre to tože možna nočami čuti jak płače joho dux. Hovorat što vone za Batkami płače. Treba zapaliti hrumničnu šviyečku i zhovoryti paciera za ditia. Ono treba pometati kob ne hašiti šviyečki, nexaj vona horyt až sama zhasne. Jak šviyečka sama zhasne tohdy dux ditiata sam odyde i buoľš ne pryde [...].

В Жуках когда-то верили и практиковали магический обряд, связанный с переездом жителей в другой дом. Чтобы забрать домашнего духа с собой на новое место, обязательно необходимо было вместе со всем инвентарем выбрать из печи древесную золу и перенести ее в новый дом, затем

²⁰ Голуб Мария, г. р. 1940 г., Шевяк Зофия, г. р. 1936 г., село Жуки.

высыпать в новый зольник перед первым розжигом печи. Отсюда убеждение, что домашний дух живет в печи, а точнее-в зольнике.

Другое суеверие гласит о том, что, чтобы увидеть домашнего духа, необходимо долго смотреть в зеркало при зажженной свече (лучше всего громничной), постоянно повторяя его имя (в Жуках, как утверждают информаторки, существовал обычай давать домашним духам имена). Иногда после долгих просьб, часто длящихся часами, дух появлялся в отражении зеркала.

Анализируя все эти воображения, суеверия и разного рода магические обряды, необходимо подчеркнуть значение поверий сельских жителей в конце XIX и начале XX века. Поганские верования и некоторые убеждения часто сопутствовали на каждом этапе жизни простого сельского крестьянства и практически в каждой его сфере. Дух *домовой*, воображаемый и представляемый в своих многочисленных образах, оставался практически до середины XX века неотъемлемым элементом местной народной культуры. Почти в каждом из гайновских сел можно было услышать рассказы о встрече со „злым” духом, а также реляции о последствиях и даже эффектах его действий.

В настоящее время неопределимое наследие наших далеких предков очень часто присутствует в элементах культуры, в ее широком смысле. Его остатки, используемые в каждодневной жизни, относят уже к категории „забавных предрассудков”, которые являются часто предметом шуток и насмешек. Реликты некоторых поверий и магических обрядов лучше всего сохранились на территории Восточной и Южной Славящины. Причиной их исчезновения стала, в частности, борьба с ними духовенства, которое считало их отголосками поганства.

Благодаря собранным рассказам удалось частично сохранить от забвения определенный фрагмент давно забытой национальной культуры на исследуемой территории.

Bibliografia

- Andrinikov P.I., *O matierjalex po etnografiji Kostromskogo kraja, sobrannyx miestnoujezdnoj komissijej*, [v:] *Trudy Jaroslávskoho oblastnoho arxijetohičieskoho sjezda*, Moskva 1902.
- Bobrovskij P., *Matieriały dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannyje oficerami Gienieralnogo štaba. Grodnienskaja gubernia*, cz. 1, Sanktpietierburg 1863.

Adrian Kuprianowicz, *Домашний дух „домовой” в народной культуре...*

Kuprianowicz A., *Narodnaja magija v povsiednievosti sielskix žiteliej (na primierie nieskol'kix sieł Hajnovskoho повіта на фоні восточного славянства)*, „Białorutenistyka Białostocka” 2018, t. 10.

Kuznecov N.V., *Čerty v domie (opyt sravnitel'noh analiza pierсонаžej russkoj narodnoj diemonoložii)*, [v:] *Tradicija v folklorze i literaturie*, Sankt-Pietierburg 2000.

Levkijevskaja J.J., *Stavjanskije drevnosti*, [v:] *Etnolinhvističeskij slovar*, t. V, pod ried. N.I. Tołstoho, Moskva 1999.

Materiały folklornych ekspedycji 1953–1993 gg., pod ried. prof. V.P. Anikina, Moskva 1998.

Moszyński K., *Kultura ludowa Słowian*. T. II: *Kultura duchowa*, cz. I, Warszawa 1967.

Nikiforovskij N.J., *Domovyje*, [v:] *Niečistki. Svod prostonarodnyx v Vitebskoj Biełorussi i skazanij o niečistoj sile*, Vilna 1907.

Prymaka-Oniszak A., *Bieżeństwo 1915. Zapomniane dziedzictwo*, Wołowiec 2016.

Rybarczyk-Dyjewska J., *Biez četyrox ugłov dom nie stroitsia – rosyjskie ludowe praktyki magiczne związane z gospodarstwem domowym*, „Przegląd Wschodnioeuropejski” 2017, № VIII/2.

Rybarczyk-Dyjewska J., *Język jako narzędzie magii na przykładzie zaklęć rosyjskich*, Kraków 2013.

Rybarczyk-Dyjewska J., *Pragmatyka rosyjskich zaklęć leczniczych*, Kraków 2015.

Uspienskij sbornik XII–XIII vekov, Moskva 1971.

Vietuxov A., *Zagovory, zaklinanija, obieriegi i drugije vidy narodnoho vierovanija, osnovannyje na verie v silu slova (Iž istorii mysli)*, Vařava 1907, vyp. I–II.

Vinogradova Ł.N., *Poliesskaja narodnaja diemonoložija na fonie vostočno slovianskix dannyx*, [v:] *Vostočnoslavjanskij etnolinhvističeskij sbornik. Issledovanija i materiały*, otv. ried. A.A. Płotnikova, Moskva 2001.

Źródła internetowe

Vlasova M.N., *Enciklopedia russkix sueverij*, Sankt-Peterburg 2008, <https://coollib.com/b/296330-marina-vlasova-entsiklopediya-russkix-sueverij/read> [dostęp: 30.03.2023].
<https://www.culture.ru/poems/4521/domovomu> [dostęp: 2.01.2023].